

Борисов С.В. Образование «по причине» или образование «по привычке»: что остается, когда все выученное забывается? // Дэвид Юм и современная философия: Материалы конференции. М.: Альфа-М, 2011. Т. 6. С. 39-43.

Образование «по причине» или образование «по привычке»: что остается, когда все выученное забывается?

Существует такая сентенция, что образование – это то, что остается, когда все выученное забывается. Если представить образование как систему моделей мира и поведения, среди подсистем которой можно выделить знания, умения, навыки и т.п., то поскольку в системе отношения между элементами, т.е. структура целого важнее, чем элементы, взятые по отдельности, потеря даже большого массива данных (знаний) практически не приносит ущерба целостности образования. В раннем детстве образование направляется в основном личным интересом формирующегося человека, оно совершается самопроизвольно. Спонтанная составляющая всегда присутствует в образовании, поскольку образовательные процессы – это разнообразное и многосоставное взаимодействие естественных систем самого высокого уровня сложности: личность, группа, сообщество. Если в естественном развитии человека в семье и обществе в целом велика роль случая, то в рамках системы образования более существенна роль преднамеренности, роль порядка, организованности, целенаправленности. Но видимо человечество еще не научилось поддерживать равновесие между этими аспектами образования. Построить образовательную систему, оптимально способствующую развитию всех ее участников, наверное, невозможно.

Хотя «миражи» этой возможности всегда маячили перед наукой. Например, идеал классической науки – точная математическая формулировка законов, строгая однозначность высказываний, воспроизводимость экспериментов, сведение частных закономерностей к общим законам. В этой модели классического детерминизма мир постигается в категориях причины и следствия и предстает как сеть причинных связей. Для каждого происшедшего изменения состояния какого-либо объекта подыскивается другой объект, который оказал влияние на первый. Детерминизм выстраивает для любого явления ближайший контекст по прямой линии от причины к следствию – таким способом могут выстраиваться и довольно длинные цепочки, в которых любое следствие становится причиной очередного явления.

К концу XIX века закономерности всех процессов, даже протекающих в живой природе и обществе, представлялись во многом познанными или, по крайней мере, познаваемыми. На языке точных формул стремились говорить и психология, и педагогика, имевшие дело с наиболее сложным и наименее определенным содержанием. Развитие личности тоже хотелось объяснить каким-то простым и понятным образом на языке причинно-следственных связей.

Однако сложилось так, что в XX веке в науке, искусстве, образовании и всей духовной жизни общества возникло ощущение исчерпанности прежней логики освоения мира. В структуру законов природы в разных науках вошли на равных правах с ясностью и однозначностью причинно-следственных связей представления о вероятности и неопределенности. Законы логики стали объектом критического анализа, что говорит о том, что они – такие же продукты человеческого опыта и разума, как и основные положения естественных наук. Стало ясно, что поведение сложных систем (а именно к таким относится система образования), любые особенности взаимодействия системы со средой невозможно объяснить действием какой-то одной причины или совокупности причин. Не может быть и полной определенности в описании взаимодействия сложных систем.

Поразительно, что все эти мысли, актуальные для современности, являлись предметом тщательного анализа Дэвида Юма, жившего в эпоху господства классического детерминизма. В IV главе «Исследования о человеческом разумении» Юм высказывает сомнения относительно эффективности каузальной модели познания. «Нужно сознаться, – пишет он, – что природа держит нас на почтительном расстоянии от своих тайн и предоставляет нам лишь знание немногих поверхностных качеств объектов, скрывая от нас те силы и начала, от которых всецело зависят действия этих объектов» (Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. С. 43). Но, несмотря на это незнание сил и начал природы, мы, видя похожие друг на друга чувственные качества, всегда предполагаем, что они обладают сходными скрытыми силами, и ожидаем, что они произведут действия, однородные с теми, которые мы воспринимали прежде.

Все признают, отмечает Юм, что нет никакой известной нам связи между чувственными качествами и скрытыми силами и что, следовательно, наш ум приходит к заключению об их постоянном и правильном соединении не на основании того, что знают об их природе. Что же касается прошлого опыта, то он может давать прямые и достоверные сведения только относительно тех именно объектов и того именно периода времени, которые он охватывал. Но почему этот опыт распространяется на будущее время и на другие объекты, которые могут быть подобны первым только по виду? Ведь если допустить, что «природа дана нам только раз», что порядок природы может изменяться и что прошлое может перестать служить правилом для будущего, то всякий опыт становится бесполезным и не дает повода ни к какому выводу. Поэтому с помощью каких бы то ни было аргументов из опыта доказать это сходство прошлого с будущим невозможно, коль скоро все эти аргументы основаны на предположении такого сходства.

Предположим, пишет далее Юм в V главе «Исследования», что человек, наделенный в высшей степени сильным разумом и способностью к размышлению, был бы перенесен в этот мир внезапно; он определенно тотчас же заметил бы постоянное следование друг за другом объектов и событий, но не был бы в состоянии открыть что-либо помимо этого. Он не мог бы с помощью какого бы то ни было умозаключения сразу дойти до идеи причины и действия, поскольку частные силы, производящие все действия в природе, никогда не открываются чувствам, а из того, что одно явление в единичном случае предшествует другому, неразумно выводить заключение, что одно из них – причина, а другое – действие. Их соединение может быть произвольным и случайным; возможно, нет никакого основания заключать о существовании одного события при появлении другого. Словом, такой человек без последующего опыта никогда не мог бы соотнести свои предположения или рассуждения с фактами или быть уверенным в чем-либо помимо того, что непосредственно встает в его памяти или же воспринимается его чувствами.

Отсюда Юм делает вывод о том, что существует какой-то иной принцип, приводящий к данному заключению. Принцип этот есть привычка, или навык, ибо, когда повторение какого-либо поступка или действия порождает склонность к возобновлению того же поступка или действия независимо от влияния какого-либо рассуждения или познавательного процесса, мы всегда говорим, что такая склонность есть следствие привычки.

Какое же следствие относительно образования мы можем вывести из этих рассуждений Юма? Самое простое: всякая вера в факты или в реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющемся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом. Подобная вера с необходимостью возникает, когда ум поставлен в указанные условия.

Все эти операции представляют собой разновидность «природных инстинктов», которые не могут быть ни порождены, ни подавлены рассуждением или каким-либо мыслительным и рассудочным процессом. Как писал Л. Витгенштейн: «На каком основании я доверяю учебникам по экспериментальной физике? У меня просто нет оснований не доверять им» (Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 113).

Характеризуя общую образованность личности, М. Полани отмечает, что хотя мы ясно сознаем объем и специфику нашего знания, мы едва ли представляем его себе в деталях. Осознание этих деталей происходит в том случае, если мы овладеваем предметной областью, в которую они входят в качестве ее частей. «Это чувство по своей природе подобно неартикулированному знанию, помогающему отыскать путь в сложной ситуации, однако оно имеет более широкую сферу приложения благодаря участию в нем словесных и прочих лингвистических указателей. Их специфическая приспособленность для оперирования позволяет нам постоянно удерживать в своем поле зрения огромный объем опытных данных и сохранять уверенность в том, что эти бесчисленные данные, если это понадобится, могут быть в нашем распоряжении» (Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. С. 151-152). Таким образом, сознание нашей образованности в конечном счете коренится в наших концептуальных способностях, независимо от того, применимы ли они к опыту непосредственно или же опосредованы системой «лингвистических координат». Образование – это латентное знание, осознаваемое нами посредством ощущения «интеллектуальной силы», основанной на этом знании.

Но почему же наши знания имеют для нас такое большое значение, несмотря на то, что их основания остаются невыясненными? Ответ Полани схож с ответом Юма: потому что мы верим, что присущая им рациональность является залогом того, что они соприкасаются с реальностью, схватывают какие-то ее аспекты. Признавая знания, мы доверяем им власть над нами, поскольку всегда видим в них проблески реальности, указания на реальность, и это служит гарантией того, что, развивая эти знания в понятиях, мы сможем и в будущем опираться на них, осваивая все новые и новые ситуации. В основе этого процесса лежит наша личная убежденность в том, что связь знания, выраженного в понятии, с реальностью является непреходящей. Таким образом, мы не просто сами устанавливаем для себя стандарты, мы при этом верим в свою способность распознавать объективную реальность и оказывать на нее воздействие; в этом заключается подлинный парадокс образования. Только благодаря нашему образованию – на его основе – мы понимаем, т.е. интерпретируем этот мир, хотя самого образования при этом, как правило, не чувствуем, не ощущаем, привыкая к следованию ряду норм или правил, не имеющих для нас самих достаточного обоснования.